

МАРКСИЗМ КАК ПСИХОКОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

М.В. Черников

Воронежский государственный технический университет

Аннотация: В настоящей статье выдвигается гипотеза, согласно которой своей популярностью и влиятельностью в европейском революционном рабочем движении (по крайней мере конца XIX – начала XX вв.) марксизм обязан не столько своей ценности в качестве научной теории, сколько другим обстоятельствам. Рассматривается и обсуждается допущение, что марксистская социально-политическая теория, не являясь истинной с научной точки зрения, представляет собой успешно закамуфлированное под истинную научную теорию концептуальное образование, которое, будучи индоктринировано в массовое общественное сознание могло бы выступить в виде своего рода «психоконцептуального оружия», способного направить массовое коллективное действие в сторону достижения тех целей, которые ставили перед собой распорядители данного «психоконцептуального оружия».

Ключевые слова: идеология, марксизм, политика, индоктринация, массовое сознание, психоконцептуальное оружие.

Марксизм – оружие, революционный метод
Применяй умеючи метод этот.

В. Маяковский

Введение

В 2022 году в Воронеже, в издательстве ВГТУ вышла в свет научная монография: М.В. Черников «Разбираясь с марксизмом». Представленный в этой монографии (основанный на многолетних исследованиях) концептуальный анализ позволяет сделать выводы о, мягко говоря, некорректности с точки зрения современного уровня социально-гуманитарных наук многих основополагающих представлений марксизма. И трактовка Марксом материалистического понимания истории, и диалектика, позиционируемая как универсальная теория развития природы, общества и мышления, и учение о прибавочной стоимости, основанное на радикально трактуемой Марксом теории трудовой стоимости, и теория капиталистической эксплуатации человека человеком – все эти базовые концептуализации марксистской теории – утверждается в монографии – отнюдь не являются в достаточной степени верными.

Соответственно, не является верной (не может достичь поставленных целей) и метода, которую Маркс рекомендует в качестве преодоления ужасов и несправедливостей капитализма – а именно, пролетарская Революция, направленная на создание Социализма как общества, в котором ликвидируется частная собственность на средства производства, а, тем самым, (якобы) ликвидируются классы, ликвидируется даже возможность эксплуатации человека человеком.

Такое (обосновываемое в монографии) утверждение о существенных научных некорректностях марксизма для традиционного отечественного обществоведения, привыкшего считать, что марксистское учение «всесильно, потому что верно» – за пределами неприятно и вызывает ожесточённые возражения. Но мы сейчас не будем ввязываться в концептуальную дискуссию о научной верности марксизма, в дискуссию, для появления только надежды на победу в которой пришлось бы воспроизводить весь текст монографии. В настоящей статье мы позволим себе коснуться лишь одной – весьма парадоксальной – гипотезы, возникающей в случае, если мы признаем научную слабость марксистской социально-политической теории.

Действительно, если мы признаем последнее, поневоле возникает вопрос: но почему же тогда марксизм, будучи слабой с научной точки зрения теорией, оказался столь победоносным, почему проект Марксизм – оказался столь успешным?

А ведь проект Марксизм (выдвижение (и продвижение) марксистской концептуальной картины мира, имплицитующей соответствующее социально-политическое действие) нельзя не признать успешным.

Как минимум, один раз проект Марксизм «выстрелил». На рубеже XIX–XX веков марксистки ориентированная концептуальная картина была столь успешно внедрена в массовое общественное сознание, что имплицитующее этой концептуальной картиной социально-политическое действие получило своё историческое воплощение: в 1917 году в России произошла победоносная социалистическая революция и в масштабе государства, занимающего 1/6 часть суши планеты Земля, было начато строительство социалистического общества.

Успешная реализация проекта Марксизм в России 1917-го года (как стало принято считать) верифицировала истинность марксизма как теории, доказав, по крайней мере, плодотворность последней. Победа большевистской Революции в России, а также несомненные успехи, достигнутые первым в мире социалистическим государством – СССР, которое позиционировало себя как руководствующееся марксистской теорией, способствовали невиданной популярности идеи марксизма. И до сих пор марксизм имеет огромное число как своих прямых адептов, так и просто сочувствующих в самых разных регионах мира,

Как же объяснить причины столь грандиозного успеха проекта Марксизм?

Стандартной стала следующая объяснительная схема.

Гениальные мыслители своего времени К. Маркс и Ф. Энгельс, нацеленные, главным образом, на поиск истины о мире, обществе и человеке, разрабатывают глубокую научную теорию общества и открывают истинные законы общественного развития. На основе этой теории и выстраивается метода преодоления капитализма, которая вскоре становится программной для социал-демократического движения, в целом, и для Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), в частности. Научная истинность марксистской теории и обеспечивает успех вытекающей из неё методы преодоления капитализма, что и было доказано большевиками в Октябре 1917-го.

Сегодня, однако, правомерность стандартной объяснительной схемы успеха проекта Марксизм вызывает серьёзные сомнения.

Во-первых, есть весомые основания утверждать, что марксистская теория сущностно, на уровне своих фундаментальных основоположений не является настолько верной, чтобы быть всесильной.

Во-вторых, представляется крайне сомнительным, что победа большевиков в 1917 году может служить верификацией истинности марксистской теории. Да, конечно, в 1917 году в России произошло то, что и рекомендовалось марксизмом, что непосредственно (как считали, по крайней мере, большевики во главе с Лениным и Троцким) вытекало из марксизма, а именно – пролетарская Революция и Переход к построению социализма – строю, в котором обобществлены все средства производства и уничтожена частная собственность.

Однако попытка непосредственно воплотить в жизнь идеи марксизма поставила перед большевиками, захватившими власть в стране, такие колоссальные проблемы, что до сих трудно понять, как страна сумела выжить, а большевики сумели сохранить своё правящее положение.

Действуя по Марксу, большевики, например, решили сразу после Революции обобществить все средства производства и уничтожить частную собственность. Но это привело к вопиющей экономической деградации и такой хозяйственной разрухе, что, правящей партии пришлось срочно вводить НЭП (идти на поклон буржуа) – надо было хоть как-то восстановить лежащую в руинах экономику.

Уже на этом этапе обнаружилось, что управлять страной по Марксу получается плохо. Но и отказаться от марксистской идеологии большевики уже не могли.

Так и сложилась та марксистская химера, которая стала поистине проклятием СССР.

Реальная жизнь, реальное управление обществом в СССР проходили отнюдь не по Марксу. Но все деяния правящей партии и правительства обосновывались, можно сказать – освящались, марксисткой (позже её стали называть марксистско-ленинской) риторикой.

Отстранение от Маркса в партии большевиков проходило весьма постепенно. Собственно говоря, его начал уже В.И. Ленин, считавший себя правоверным марксистом.

Важно отметить, что сама Октябрьская Революция 1917-го года в России прошла и «по Марксу» и «не по Марксу». По Марксу – в том смысле, что осуществляемый пролетариатом революционный переход к социализму (именно под этим лозунгом осуществлялась большевистская революция) – это главная, центральная идея всего марксистского учения.

С другой стороны, Маркс полагал, что пролетарская революция должна произойти не в отсталой, а только в передовой по капиталистическим меркам стране, так что – с этой точки зрения – большевики действовали не по Марксу, о чем им постоянно твердили меньшевики – другие апологеты Маркса из РСДРП [Плеханов 1991: 170–178].

Ленин, однако, утверждая, что марксизм «не догма, а руководство к действию» и призывая творчески относиться к марксистской доктрине, вполне успешно парировал упреки меньшевиков, развивая теорию о революции в России как только запале по отношению к мировой пролетарской революции. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – господи благослови!»

Но уже Сталин, убедившись в бесперспективности идеи мировой революции и, в то же время, понимая, что продолжение интернационалистски ориентированной политики Ленина (и Троцкого) по отношению к России ведёт к окончательному угроблению последней, решительно уходит от классического марксизма, выдвигая тезис о построении социализма в одной отдельно взятой стране. Теперь все реальные управленческие действия большевиков начинают определяться, главным образом, геополитической и социально-экономической целесообразностью, прикрываясь, однако, марксистско-ленинской риторикой. Декларативная опора на марксизм (марксизм-ленинизм) при фактическом игнорировании марксизма на уровне реальных управленческих действий – характернейшая черта первого в мире социалистического государства.

Сложившись ещё при Сталине, такая ситуация имела место в течении всего периода существования СССР. И испытание такой жизнью «в раскоряку», когда правда реальных действий принципиально отличалась от официально декларируемой – СССР не выдержал. И хотя у нас на основе мощнейшей государственной поддержки был выращен целый класс обще-

ствоведов, «виртуозно» (М. Вебер) пытающихся найти концептуальные возможности приспособить марксистскую теорию для решения реальных политико-социально-экономических задач, и, в этом смысле, обелить учение марксизма-ленинизма, ставшего в СССР, можно сказать, государственной религией, в позднем Советском Союзе преобладающим в народе стало убеждение, что ни КПСС, в частности, ни марксизм-ленинизм, в целом, не заслуживают доверия.

Однако «разочарование» в марксизме, наступившее в СССР сначала только на уровне реальной управленческой политики, а потом и на уровне преобладающих в народе настроений, возникло уже много позже произошедшей под эгидой марксизма Революции. Сама же Революция и переход к Социализму произошли в России как раз на основе очарования марксизмом. В этом смысле, проект Марксизм вполне продемонстрировал свою успешность, поскольку выполнил свою задачу – имплицитное проектом социально-политическое действие – Революция и Переход к социализму, как обществу в котором ликвидируется частная собственность – состоялись.

Другое дело, кому был нужен, кому пошёл на пользу успех проекта Марксизм? России или геополитическим соперникам России? Второй вариант представляется гораздо более вероятным.

В связи с этим и возникает своего рода «сумасшедшая» гипотеза: а не было ли особого типа интересантов, которые определенным образом инициировали оформление и раскрутку проекта Марксизм, используя последний как «поведенческое оружие», которое применяется для того, чтобы заставить население страны-мишени совершать (конечно, преследуя, в конечном счёте, самые благородные цели!) самоубийственные для этой страны действия, ввергая её в, по сути дела, геополитическую катастрофу? [Ларина, Овчинский 2015: 27–34; Черников, Филатов, Букреев 2020: 32–41].

Насколько правомерна такая гипотеза? Об этом и пойдёт речь в настоящей статье.

Обсуждение

Давайте ещё раз вспомним время, когда жили и писали великие основоположники марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс. Надо отчётливо понимать, что это было время, когда в рамках капиталистической мир-системы достигает особого напряжения борьба за мировое господство – борьба за власть, информацию и ресурсы. Причём, начиная, по крайней мере, с XVIII века роль лидера и главной атакующей силы в это борьбе принадлежит «англосаксам».

Следует, однако, уточнить – кто такие «англосаксы» и каким образом ведут они свою борьбу за мировое господство?

В трактовке этого сюжета мы опираемся на позицию, пожалуй, лучшего нашего специалиста по вопросам мировой борьбы в рамках капиталистической мир-системы – А.И. Фурсова.

«Англосаксы, – пишет Фурсов – это Великобритания, затем к ней присоединились США. Но дело не только в государствах... Дело также в ориентирующемся на Англосферу финансовом капитале и закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, представленных почти до самого конца XIX века масонством» [Фурсов 2017: 5].

Последним надо уделить особое внимание, как в силу их слабой освещённости в научной литературе, так и – это главное! – в силу их специфического и в то же время предельно значимого влияния на ход исторических событий.

Важно понимать, что закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления возникают как прямое следствие развития капитализма и капиталистических отношений. «Наднациональное управление – пишет по этому поводу Фурсов – не иллюзия,

не блажь, не роскошь, не выверт истории, а средство снятия одного из важнейших противоречий капитализма. Экономически капитализм – цельно-мировая система, мировой рынок, тогда как политически это не целостность, а совокупность, сумма государств. Отсюда тройное противоречие – между капиталом и государством, целым и суммой, мировым уровнем и национально-государственным.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у её финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ – своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы – своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причём речь идёт не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено» [Фурсов 2014]. Учтём также, что на уровне наднационального управления, как пишет Фурсов, «нужно уже не огнестрельное, а организационное оружие особого типа, которое, решая задачи верхушки мирового капиталистического класса, снимало бы противоречия между капиталом и государством, наднациональным экономическим и национальным политическим интересом и, наконец, между мировой экономической целостностью и мировой государственно-политической суммарностью.

Структуры, в виде которых существует такое оргоружие, должны быть:

- наднациональными (надгосударственными);
- закрытыми («тайными»);
- долгосрочными по типу и принципу деятельности, поскольку, помимо прочего, выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса» [Там же].

По мнению историка, первые – возникшие на рубеже XVII–XVIII вв. – закрытые структуры наднационального уровня управления в капиталистической мир-системе были созданы на базе уже достаточно развитых к этому времени масонских лож.

Практически до конца XIX века именно масонские ложи обеспечивали управляемость капиталистической мир-системы на наднациональном уровне. В таком управлении ведущую роль играли т.н. островные – расположенные на территории Англии – регулярные масонские ложи, которые, будучи сами предельно законспирированными, фактически полностью контролировали т.н. континентальные регулярные масонские ложи и, по сути дела, руководили последними.

При этом, как отмечает Фурсов, «идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции, следуя принципу "right or wrong, my country"».

И наоборот, «установка континентальных лож была диаметрально противоположной... – космополитизм, подрывавший государственность, традиции и религию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на "самоопределение наций", в других – "объединение наций" (например, Германии и Италии под контролем лож)» [Там же].

Оба типа лож осуществляли глобальные управленческие действия наднационального типа, но островные ложи выполняли основную – дирижерскую – роль, заставляя континентальные (более или менее осознанно) исполнять требуемую от них дирижёром «партию» в том «оркестре» мнений, интересов, социальных и политических движений, которые и наполняли собой, и вели за собой всю капиталистическую мир-систему.

Позже, на рубеже XIX–XX вв. наднациональный уровень управления в масштабах капиталистической мир-системы, по-прежнему играя определяющую роль в функционировании и развитии последней, переместился с масонских лож на другие «площадки», но это уже особая история.

Главное для нас в данном случае подчеркнуть, что возникновение наднационального управления в рамках капиталистической мир-системы привело к тому, что, как формулирует это Фурсов, «появились и обрели характер жёсткой реальности проектно-конструкторские практики влияния на исторические события и процессы, так что с определённого момента развития капиталистической мир-системы её история стала носить проектируемый характер» [Там же].

Возможности реализации такого рода глобальных проектов требуют выполнения ряда условий. По мнению Фурсова, к их числу следует отнести наличие:

- организации, которая обладает соответствующим геополитическим и геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;
- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской исторической деятельности;
- финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;
- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;
- наличия структур рационального знания, анализирующих закономерности истории, массовые процессы и поведение социальных групп в качестве объектов, и средств реализации проектно-конструкторской деятельности [Там же].

Все эти условия, как отмечает Фурсов, в рамках капиталистической мир-системы оказались в достаточном объёме выполненными уже в XVIII веке, когда «произошло ещё одно изменение кардинального порядка – резко, качественно выросла роль определенным образом организованной («упакованной», структурированной, обобщенно-каталогизированной, декодированной и т. п.), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием конспироструктур в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.» [Там же].

Примером такого информационного «психоисторического» оружия в истории капиталистической мир-системы, по мнению Фурсова, стал, в частности, знаменитый проект эпохи Просвещения, который получил название «Энциклопедия».

«Энциклопедия» – пишет Фурсов – продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну, социально ориентированная, идейно заряженная и структурированная информация (информация специального и политического назначения), каково её влияние на элиты, ставящее их под воздействие определённого информпотока и открывающее их таким образом влиянию внешнеположенным их интересам конспироструктур или даже превращающее во внешний круг последних. По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной психоисторической войны эпохи Модерна» [Там же].

Мы практически полностью солидаризируемся с вышеизложенными позицией и соображениями А.И. Фурсова. Заметим только, что в рамках того видения, которое предлагает уважаемый историк, «Энциклопедию» корректнее было бы назвать не «психоисторическим», а «психоконцептуальным» оружием.

Таким образом, следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что уже к XIX веку «англосаксы» – «трёхглавый монстр, эдакий западный Змей-Горыныч: государство (Великобритания) – финансовый капитал (Ротшильды) – закрытые структуры наднационального уровня управления (масонство)» [Фурсов 2017: 5] в своей борьбе за мировое господство вели, как сейчас принято говорить, гибридную войну, используя самые различные виды оружия, в том

числе и оружие «информационное», как открыто пропагандируемое – идеологическое, так и скрыто-индоктринируемое – психоконцептуальное.

Причём главная геополитическая задача, которую в XIX веке решал этот «трёхглавый монстр англосаксов», заключалась в максимальном ослаблении и, в конечном счёте, ликвидации континентальных империй с монархическим типом правления: германской, российской, австро-венгерской. В рамках решения этой задачи и применялось выработанное англосаксами «информационное» оружие.

Основным идеологическим оружием в борьбе против национально-ориентированных монархий для «англосаксов» становится либерализм – претендующая на универсальность и всеобщую применимость идеология, акцентирующая принцип свободы и прав индивида, самостоятельную роль рынка, и делающая основной упор на Просвещение и эмпирическое знание.

«Либерализм – пишет по этому поводу А.И. Фурсов – с его принципом свободы (без равенства) и соревнования (в котором побеждает сильнейший, то есть тот, у кого деньги и власть) оказывался мощным оружием англосаксов, причём вдвойне. Во-первых, он работал на сильного, то есть на гегемона. Во-вторых, он ослаблял слабого, так как навязывал ему те ценности, идеи и правила игры, которые сформулированы сильным в его интересах, отражают его уникальный опыт развития, который англосаксы представили в виде универсального как в плане целей, так и в плане средств. Всем остальным предоставлялось лишь имитировать его, т. е. участвовать в игре на заведомый проигрыш» [Там же: 74].

Облучая идеологией либерализма (в первую очередь) элитные группы страны-мишени (для чего использовались как средства открытой пропаганды, так и структуры закрытого типа – главным образом, масонские ложи), «англосаксы» готовили в этой стране своих агентов влияния, свою «пятую колонну».

Сегодня хорошо известно, что именно этой «пятой колонне» Россия обязана февральской революцией 1917 года. «Англосаксам» удалось эффектным ударом завершить свою вековую борьбу против русской монархии, воспользовавшись условиями, сложившимися в ходе первой мировой войны. (В марте 1917 года на дебатах в британском парламенте ирландский представитель прямо заявил: «Наши лидеры... послали лорда Мильнера [Альфред Мильнер – крупнейшая фигура закрытых структур наднационального управления, Великий Надзиратель Великой ложи Англии, с 1902 года глава могущественной тайной англосаксонской группы "Круглый стол", которая в дальнейшем в Британии стала называться "Королевское общество международных отношений", сменив затем это название на "Чатем Хаус" (Chatham House). В США общество "Круглого стола" носит название "Совет по международным отношениям" (CFR)] в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзице» [Алексеева 1989: 145]) Не будем, однако, развивать этот сюжет. Во-первых, он для нас факультативен, и, во-вторых, уже получил достаточно хорошее освещение в научной литературе.

Гораздо менее разработан сюжет о роли «трёхглавого монстра англосаксов» в подготовке (скажем так) варианта Б революционного свержения монархии. Речь идёт об использовании для этого уже не столько элитных групп страны-мишени (вариант А), сколько её простонародья, её низов, её, как сказал бы Маркс, наиболее угнетённого, наиболее эксплуатируемого класса.

Однако для мобилизации класса эксплуатируемых на требуемое интересами «англосаксов» социально-политическое действие – революционное свержение власти в стране-мишени – потребовалась и новая [соответствующее условиям XIX века] «информационное» оружие. Как представляется, именно в рамках решения этой задачи «трёхголовый монстр англосаксов» обратил внимание на публицистические и научные работы уроженца немецкого города Трир Карла Маркса.

Есть веские основания утверждать, что уже ко времени написания «Манифеста коммунистической партии» (1848 год) Марксом – весьма эрудированным мыслителем, блестящем полемистом и, в целом, весьма пассионарной личностью – заинтересовались «серьёзные люди».

Сегодня, благодаря, в частности, работам Э. Саттона (американский исследователь, сумевший получить доступ к работе с ранее закрытыми материалами в архиве Госдепартамента США) мы уже гораздо больше знаем о поддержке проекта Марксизм со стороны «англо-саксов» [Саттон 1995; Саттон 1998; Саттон 2004].

Так, например, Саттон опубликовал данные о том, что «Манифест», который должны были написать Маркс и Энгельс, непосредственно субсидировался Жаном Лаффитом – авантюристом и пиратом, выполнявшим в то же время роль представителя банковских кругов США, от которых он и получил указание содействовать написанию «Манифеста».

Сохранилось письмо Лаффита от 29 сентября 1847 года, написанное им своему другу художнику де Франку, проживавшему в городе Сент-Луисе штата Миссури. В письме содержится информация о финансовой помощи, оказанной Марксу. Лаффит, в частности, пишет:

«Из Брюсселя я отбываю в Париж. Через три или четыре недели я прибуду в Амстердам, а оттуда возьму курс на Америку. Я предостаточно пообщался с господами Марксом и Энгельсом, хотя отказался принимать участие в конференциях по составлению манифеста. Я не хочу присоединяться к их дебатам.

Господин Энгельс собирается вместе со мной в Париж. Таким образом, я заблаговременно смогу подготовить календарный план по финансированию господ Маркса и Энгельса. Они смогут возобновить работу над рукописью "Капитала и труда".

С самого начала мне казалось, что двое молодых людей талантливы и наделены незаурядным умом. И я твёрдо в этом убеждён. Это подтверждается анализом статистики в открытии «La Categorié du Capital», стоимости, цены и прибыли.

Они вторглись в тёмный век безудержной эксплуатации человека человеком. Они показывают, что эксплуатация является корнем всего зла – от крепостного, этого феодального раба, до наёмного раба.

Понадобились многие годы, чтобы подготовить "Манифест для рабочих мира". На этом пути возникали продолжительные прения между двумя молодыми людьми и их сторонниками из Берлина, Амстердама, Парижа и даже из Шведской Республики.

Я прихожу в восторг, когда думаю о манифесте, а также других перспективах на будущее. Я помогаю этим двум молодым людям искренне. Я надеюсь, что их планы воплотятся в целостную доктрину, которая сокрушит основы светских династий и предаст последние пожиранию низшими массами. И я молюсь на это» [Саттон 2004: 19].

Информация о финансировании Маркса и Энгельса в период подготовки «Манифеста» содержится также в «Дневнике» Лаффита. [Как пишет Саттон: «Замечательная история дружбы Карла Маркса с Жаном Лаффитом – пиратом, содействовавшим изданию «Манифеста Коммунистической партии», – описана в книге Жоржа Блонда «Histoire de la Filibuste». Как эти данные попали к Блонду?

В оригинале они содержатся в двух книгах, изданных частным образом Стэнли Клисби Артуром в Новом Орлеане. Книги называются «Жан Лаффит – господин Морской Разбойник» и «Дневник Жана Лаффита».

Запись в «Дневнике» от 24 апреля 1848 года гласит:

«Мои встречи были короткими, но плодотворными. В Париже я жил дома у господина Луи Бертильона и реже в гостиницах. Я встречал господ Мишеля Шевреля, Луи Брайля, Огюстена Тьерри, Алексиса Токвиля, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Дагера и многих других...

Никто не знал истинных причин моего пребывания в Европе. Я открыл счёт в парижском банке – кредит на хранение для финансирования двух молодых людей: господ Маркса и Энгельса. Им нужно было помочь в осуществлении революции рабочих во всём мире. Они сейчас над ней работают» [Саттон 2004: 20].

При этом, очень похоже, что к написанию «Манифеста» Маркс [насколько нам известно, основным автором «Манифеста» был Маркс; Энгельс, в лучшем случае, ассистировал] относился как к своего рода заданию и, выполняя его, достаточно цинично использовал уже имеющиеся тексты.

«Основные положения "Манифеста" – читаем мы у Саттона – заимствованы из "Принципов социализма" малоизвестного французского социалиста Виктора Консидерана, опубликованных в 1843 г.

Второе издание работы Консидерана было издано в Париже в 1847 г. – за год до публикации "Манифеста Коммунистической партии" и как раз в то время, когда Маркс и Энгельс проживали в Париже.

Факт плагиата был установлен малоизвестным писателем В. Черкесовым и подробно расписан в его «Страницах социалистической истории». Вот небольшое извлечение:

«Я был, мягко выражаясь, изумлён и даже уничижён, когда около года назад имел возможность ознакомиться с работой Виктора Консидерана "Принципы социализма: манифест демократии девятнадцатого столетия", написанной в 1843 г. и изданной во второй раз в 1847 г.

И на то были основания. В брошюре, состоящей из 143-х страниц, Виктор Консидеран с присущей ему непринуждённостью подробно излагает основы марксизма, этого "научного" социализма, который парламентарии желают навязать всему миру.

Строго говоря, теоретическая часть, где Консидеран рассматривает основополагающие вопросы, не превышает первые пятьдесят страниц. Остальные страницы посвящены судебному преследованию журнала фурьеристов "La Democratique pacifique" со стороны правительства Луи Филиппа – журнал был запрещён присяжными заседателями Сены.

Но на этих пятидесяти страницах известный фурьерист, как истинный знаток своего дела, приводит множество глубоких, ясных и блестящих обобщений. И даже ничтожная выборка его идей исчерпывающе раскрывает все марксистские законы и теории, включая концентрацию капитала и все принципы "Манифеста Коммунистической партии".

Таким образом, вся теоретическая часть, заключённая в первые две главы, которые Энгельс именовал как "в конечном счёте, не теряющие своей актуальности никогда", попросту заимствована.

"Манифест Коммунистической партии", эта библия революционной демократии, – крайне бездарное изложение отрывков из "Принципов социализма" Консидерана. ...

Строка за строкой, – продолжает Саттон – Черкесов разоблачает Маркса и показывает, что он обычный вор. Великий и обожаемый Маркс на поверку оказался не более, чем троечником!

Никто не оспаривает того огромного влияния, которое Карл Маркс и Фридрих Энгельс оказали на мировую историю. Но в то же время, деланное естество марксизма всегда скрывалось» [Там же: 19].

Не будем, однако, углубляться в вопрос, насколько самостоятельно был написан Марксом «Манифест Коммунистической партии». Для нас сейчас важнее другое. Оказывается, что идеи, проводимые в «Манифесте», получили финансовую поддержку со стороны элитных групп тогдашнего (не будем забывать – капиталистического) общества. И в дальнейшем субсидирование трудов основоположника марксизма (да и всей его жизни! – Маркс ведь, несмотря на то, что попадал временами в полную нищету, никогда не нанимался на работу, никогда не был в положении пролетариата, имея, таким образом, о положении своего главного

«героя» сугубо теоретическое представление) со стороны этих элитных групп не прекращалось.

Кто же входил в эти группы? Откуда у Маркса были средства на жизнь?

По этому поводу Э. Саттон пишет:

«Проведя изыскание, мы обнаруживаем, что средства поступали из четырёх основных источников, и все четыре источника были связаны с властной элитой Германии и Соединённых Штатов.»

Первым источником Саттон называет Жана Лаффита, среди подвигов которого – отмечает Саттон – «можно выделить шпионаж в пользу Испании и агентурную работу на группу американских банкиров».

«Вторым источником финансирования Карла Маркса из Америки – продолжает Саттон – был редактор "Нью-Йорк Трибьюн" Чарльз Андерсон Дана. Газета принадлежала Хорасу Грили.

Оба, как Дана, так и Грили, были связаны с Клинтоном Рузвельтом и его манифестом, призывавшим к построению авторитарного государства...

Дана привлёк Маркса к написанию статей для "Нью-Йорк Трибьюн". В промежутке с 1851 по 1861 гг. было опубликовано пятьсот работ Маркса».

В качестве третьего (уже германского) источника финансирования Маркса Саттон называет Фридриха Энгельса. В книге «Истоки зла» со ссылкой на Институт Маркса и Энгельса утверждается, что общая сумма, которую Энгельс потратил на поддержку Маркса, составляет 6 миллионов французских франков золотом.

Наконец, деньги поступали Марксу и со стороны прусской элиты в лице семейства фон Вестфаленов. Как известно, Женни фон Вестфален вышла замуж за Карла Маркса. В то же время брат Женни – барон Фердинанд фон Вестфален был министром внутренних дел Пруссии, надзиравшим полицейский департамент, причем Маркс как раз находился под «наблюдением» данного департамента.

«Иными словами, – пишет Саттон – шурин Маркса отвечал за расследование подрывной деятельности, в то время, как на протяжении многих лет семья фон Вестфаленов материально поддерживала Маркса. В течение сорока лет услуги служанки Маркса Демут оплачивались семьёй фон Вестфаленов. Более того, Демут была нанята лично баронессой Каролиной фон Вестфален.

Два эссе из ранних работ Маркса в действительности были написаны в поместье фон Вестфаленов в Кройцнах. А средства от поместья были завещаны Марксу» [Там же: 20–21].

Но если элитные группы капиталистической мир-системы финансировали Маркса, значит они так или иначе, были заинтересованы в Марксе, они, так или иначе, но использовали творческий гений Маркса.

Какие же идеи Маркса должны были вызывать наибольшее сочувствие у мировой элиты?

С высоты сегодняшнего дня представляется (как это на первый взгляд – но только на первый! – ни парадоксально), что этими идеями были как раз центральные идеи марксизма о Революции и Переходе к обществу без частной собственности.

Главная задача, которая (устаи Энгельса) ставится перед Марксом – написать фундаментальный труд, в котором была бы научно обоснована историческая неизбежность пролетарской Революции и Перехода к обществу, в котором отменена частная собственность на средства производства.

И (так трудно, так долго, с такой неохотой писавшийся Марксом) «Капитал» реально нацелен на решение этой задачи, хотя при этом и потребовалось где-то пожертвовать требованиями научной истинности.

(Показательно в этом плане недоумение Бём-Баверка (учёного-экономиста, одного из основателей маржиналистской теории), разобравшего с предельной ясностью ошибки Маркса в трактовке трудовой теории стоимости. Бём-Баверк просто поражался: как же мог Маркс, действительно – признавал Бём-Баверк – могучий ум и кладезь знаний, сделать «детскую ошибку», утверждая, что только «живой труд» способен приносить прибавочную стоимость?! И не только утверждать, но и строить на этом утверждении колоссальную по использованию фактологического материала теорию капитала [Бем-Баверк 2002].

Ситуацию, вызвавшую такое недоумение Бём-Баверка, можно, однако, прояснить указанием на то, что устранение Марксом отмечаемой Бём-Баверком «детской ошибки» повлекло бы за собой и изменение марксистской трактовки теории прибавочной стоимости и, главное, изменение теории капиталистической эксплуатации человека человеком. А такие изменения (если бы их пришлось сделать) не позволили бы Марксу рекомендовать пролетариату в качестве «руководства к действию» Революцию, направленную на Переход к обществу, в котором отменяется частная собственность.)

Но зачем мировой капиталистической элите революционные и антикапиталистические идеи Маркса?

Определённое понимание возникает, если мы учтём, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, надо понимать, что образующаяся в недрах капитализма его высшая управленческая верхушка или, т.н. властная элита приобретает, в конечном счёте, не столько капиталистический, сколько сверхкапиталистический характер.

Сверхкапитализм решает управленческие задачи в глобальном масштабе и нацелен на установление своего господства уже не в рамках отдельных государственных образований (классический капитализм), а в рамках всей мировой хозяйственной системы.

Сверхкапитализм – это уже (как говорили большевики) земшарная республика, в которой стёрты национальные границы, в которой нивелированы исторически сложившиеся традиции и обычаи, в которой все «скованы одной цепью», поскольку имеют одинаковые ценности, одинаковые культурные привычки, одинаковые стандарты потребления и организации досуга.

Сверхкапитализм – это массовое (в масштабе всего мира) производство на основе использования всех мировых ресурсов (как природных, так и человеческих) и соответствующая утилизация всего произведённого плюс амортизация использованных ресурсов.

Сверхкапитализм – это тот самый Новый Мировой Порядок, который так пропагандировал Г. Уэллс – не только всемирно известный писатель, но – что существенно более важно – один из ведущих идеологов «англосаксов», член целого ряда закрытых структур наднационального управления, высокопоставленный представитель британского разведывательного сообщества [Перетолчин 2015; Перетолчин б/г]

Декларируя самые благородные цели – мир без войн, в котором становится возможным достигать всё новых уровней процветания и могущества – Г. Уэллс (как считается, автор самого термина – НМП или новый мировой порядок) указывает, что это возможно только в космополитично устроенном («едином в политическом, социальном и экономическом отношении») обществе, управляемом т.н. мировым правительством, которое способно осуществлять «эффективный мировой контроль не только за вооружёнными силами, но и за производством и перемещением предметов широкого потребления, а также за миграцией и ростом населения» [Уэллс 2021: 42–43].

Но взять на себя функции такого мирового правительства – это и есть главная мечта, главное целедостижение мировой капиталистической элиты, становящейся на уровне осуще-

ствления своей мечты, то есть в рамках установления нового мирового порядка – сверхкапиталистической.

А сверхкапиталистическая элита уже тяготеет классическим капитализмом, в котором объявляется священным право частной собственности. Массовый человек в сверхкапиталистическом обществе (новом мировом порядке) должен быть предельно эффективно управляем и (можно сказать) предельно эффективно эксплуатируем. Но для этого массовый человек должен быть освобождён от частной собственности

Действительно, (соответствующим образом обеспеченное) право частной собственности позволяет человеку самостоятельно воспроизводить собственную жизнь, то есть быть (относительно) независимым. Отмена же права частной собственности, наоборот, делает человека предельно зависимым от тех, кто фактически распоряжается обобществлённой собственностью на средства производства. Теперь только в их руках судьба конкретного, «голового» (то есть лишённого прав собственности) человека. Любое проявление нелояльности со стороны последнего будет теперь весьма эффективно пресекаться. Соответственно, «голый» человек уже ничего не может противопоставить воле «партии и правительства» (партия сказала «надо», комсомол ответил «есть»). Управлять «голыми» людьми куда как проще, а степень эксплуатации «голых» людей может достигать самого высокого уровня.

С учётом этих соображений, вполне можно допустить, что ориентированная на построение сверхкапитализма или нового мирового порядка мировая капиталистическая элита уже в XIX веке более или менее сознательно (как минимум, на уровне своего «классового» инстинкта) видела определённый потенциал для реализации своих фундаментальных интересов за счёт использования в своих целях социалистического (левого) движения, прокламирующего Переход к обществу без частной собственности, и именно поэтому (по крайней мере, финансово) поддерживала как Маркса, так и его социалистические (коммунистические) идеи.

Надо сказать, что подобным образом рассуждает и Э. Саттон. Резюмируя свою трактовку целей ориентированной на сверхкапитализм мировой капиталистической элиты Саттон пишет:

«Для каких целей элита финансировала Маркса?

Цель одна – всей мощью марксистской философской канонады обрушиться на средний класс и таким образом добиться господства элиты.

Марксизм – это средство для упрочения власти элитой. Он не ставит своей задачей облегчить страдание бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты, как та утопия, «наивная и незамысловатая» [Саттон 2004: 23].

Но идеи, развиваемые Марксом, интересовали мировую капиталистическую элиту не только в плане достижения их стратегических целей, связанных с установлением общества сверхкапитализма или нового мирового порядка.

В не меньшей (если в не большей) степени мировая капиталистическая элита в лице «трёхголового монстра англосаксов» была заинтересована и в решении своих тактических задач по свержению национально ориентированных континентальных монархий, для чего явно не лишне было бы иметь в своём арсенале и психоконцептуальное оружие, имплицитное Револуцию как радикальное свержение укоренённого в данной стране порядка.

Есть достаточно серьёзные основания утверждать, что изначально Маркс заинтересовал «англосаксов» именно как идеолог Револуции.

Соответствующий историкографический материал систематизирован и приведён в достаточно обстоятельной работе В.В. Мартыненко «Марксизм на службе империализма». Именно на эту работу мы и будем опираться в дальнейшем изложении.

Как считает Мартыненко, главным посредником между мировой капиталистической элитой в лице «англосаксов» и Карлом Марксом был «неразлучный друг» и соавтор последнего Фридрих Энгельс.

Неполиткорректную (если не неприемлемую) с точки зрения принятой в отечественном (как в советском – что, конечно, не удивительно, так и постсоветском – что уже выглядит более странным) общественности информацию о Фридрихе Энгельсе русскоязычный читатель получил после появления в Сети перевода книги Л. Ларуша «Что вы на самом деле хотели бы знать об экономике» (книга опубликована в США в 1984 году, русский перевод появился в 1992 году, в Сети книга – с 2006 года). Книга Ларуша посвящена изложению его экономических взглядов, так что фактографическую информацию о Марксе и Энгельсе Ларуш даёт как бы вскользь, но даёт как вполне уже установленную.

В частности, Ларуш пишет:

«Энгельс был британским агентом группировки лорда Пальмерстона и работал в качестве ревизора Карла Маркса (который для британских спецслужб представлял в то время целое состояние), разделяя эту работу с такими британскими официальными лицами, как известный Давид Уркхарт и др. ... Лорд Пальмерстон контролировал заговорщиков из "Молодой Европы" Джузеппе Мадзини. Маркс же был орудием Мадзини до тех пор, пока хозяева последнего не приказали ему бросить Маркса в 1869 г. После смерти Маркса Энгельс придумал легенду о своей дружбе с ним, что было преувеличением, если не сказать больше» [Ларуш 1984].

Комментируя вышеприведённые слова Ларуша, Мартыненко сообщает:

«Это утверждение первоначально показалось нам слишком надуманным. Как известно, большинство исследователей оценивают Энгельса как друга и соратника Маркса, хотя и отмечают, что отношения Маркса и Энгельса были непохожи на отношения Маркса со всеми остальными его друзьями...

Не слишком большое значение мы придавали и тому факту, что после революции 1848–49 годов среди ведущих европейских стран только Англия согласилась предоставить Марксу, как и большинству других революционеров, политическое убежище.

Несколько большее недоумение вызывал, конечно, тот факт, что, хотя К. Маркс более тридцати лет (с 1849 г. и до своей смерти в 1883 г.) жил в Лондоне, где и написал свой "Капитал" (1867), его первое издание на английском языке состоялось только после смерти Маркса, в конце 1886 года: через 20 лет после появления "Капитала" в Германии. К этому времени "Капитал" уже 15 лет существовал также в изданиях на французском и русском языках.

Отметим и тот факт, что в предисловии к английскому изданию Ф. Энгельс написал, что теория Маркса "представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, ... это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами". Между тем из текста "Капитала" этот вывод не вытекает.

Большее удивление вызвал тот факт, что и произведение Ф. Энгельса "Положение рабочего класса в Англии", написанное им во время его первого пребывания в этой стране (1842–44), было опубликовано впервые в Германии на немецком языке. Первое же его издание на английском языке состоялось только спустя 50 лет, то есть, когда те, о чём положении писал Энгельс, отошли в мир иной.

Более того, при жизни Маркса ни одно из его "классических" произведений (впрочем, как и работ Энгельса) не было опубликовано в Англии. За два года до смерти Маркса английский экономист Дж. Рай (1845–1915) в статье, опубликованной в "Contemporary Review" ("Современном обозрении") заметил: "Удивительное, но весьма значимое обстоятельство заключается в том, что Карл Маркс меньшего всего был известен в стране, где жил и работал последние 30 лет. Его слово облетело весь мир и вызвало в определённых местах

такие отголоски, которые правительства не могут ни допустить, чтобы они продолжали звучать, ни заглушить их; но здесь, где оно было произнесено, его голос был едва слышен".

Эти факты, а также дальнейшее изучение работ, жизни и деятельности Маркса и Энгельса заставили нас более внимательно отнестись к заявлению Л. Ларуша» [Мартыненко 2005: 102–125].

В конечном счёте, уже на основе собственных изысканий (подробнее см. указанную работу) Мартыненко солидаризируется с Ларушем, полагая что, действительно, Ф. Энгельс был завербован британскими службами и, с учётом уже их интересов, занимался кураторством по отношению к К. Марксу.

Своего рода пакт о совместной деятельности Энгельс и Маркс заключили на своей, ставшей уже легендарной встрече в августе 1844 года, когда в течении 10 дней и ночей два молодых человека, выпив огромное количество красного вина, не покидали парижскую квартиру Маркса.

При этом Мартыненко полагает: «главное, что, скорее всего, привлекло внимание к Марксу британских спецслужб и Энгельса была уже во многом определившаяся к этому времени идеология Маркса. Энгельс, вероятно, прекрасно понял, что она могла быть с успехом использована в рамках предполагаемой революционной деятельности и захвата власти, прежде всего, в Германии (британские власти, вероятно, устраивала просто дестабилизация государственной власти и ослабление их континентальных конкурентов)» [Там же].

Действительно, уже в первых двух своих серьёзных работах, опубликованных в 1844 году в «Немецко-французском ежегоднике» («О еврейском вопросе» и «К критике гегелевской философии права. Введение») Маркс выдвигает идею о политической предназначенности пролетариата стать господствующим классом. В частности, в «К критике гегелевской философии права» Маркс, ставя вопрос о возможности захвата власти в современном ему обществе, даёт такой ответ: «...нужен класс, по определению закованный в цепи, класс гражданского общества, не принадлежащий к гражданскому обществу, класс, который является распадом всех классов... Этим распадом общества в форме специфического класса является пролетариат» [Маркс 1955: 427].

Причём революционную роль пролетариата в этой ранней своей работе Маркс обосновывает следующим образом: «каждый класс, вступая в борьбу против вышестоящего класса, оказывается вовлечённым и в борьбу с классом, стоящим ниже его. Так князья борются с королями, бюрократы с аристократами, а буржуазия против них всех, в то время как пролетариат уже начинает борьбу против буржуазии» [Там же: 428]. Цепь подобных противостояний прервётся только тогда, когда победу одержит самый низкостоящий класс, которым и является пролетариат. Только тогда завершится перманентная классовая борьба и «восторжествует всеобщее освобождение».

Так уже молодой Маркс сумел заявить о себе как об идеологе пролетарской Революции, идеологе революционного движения, в которое вовлечены и которое должно проводиться низшими слоями общества.

И хотя позже Маркс обосновывал революционную роль пролетариата, пользуясь уже другой логикой, самое главное было произнесено – захват власти пролетариатом. Этой темой Марксу придётся заниматься всю жизнь. Во многом ещё и потому, что именно за разработку этой темы Маркс получал соответствующее финансирование.

«Вероятно, в течение совместно проведённых десяти дней, – пишет Мартыненко – Маркс и Энгельс определили и согласовали свои возможности и функции для реализации идеи захвата политической власти в Германии с помощью революционного переворота (и, очень возможно, с надеждой на поддержку британских спецслужб). В рамках их совместной команды Марксу, похоже, была отведена роль основного идеолога и теоретика, а Эн-

гельсу – роль его главного помощника и финансиста, а также координатора отношений с различными политическими силами (в том числе и в международном аспекте)» [Мартыненко 2005: 102–125]. Многое и в последующих событиях, и в совместной деятельности Маркса и Энгельса становится более понятно, если мы признаем правомерность высказанной Мартыненко гипотезы.

В частности, становится понятной внутренняя логика написания Марксом своих научных трудов. Нельзя не видеть, как пишет Мартыненко, что «идея пролетариата как могильщика буржуазии появилась не в результате глубокого экономического анализа и выявления законов исторического развития общественно-экономических формаций, как это стало преподноситься и Энгельсом (после выхода «Капитала» Маркса), так и всеми последующими марксистами. Это идея не явилась (как обычно бывает в науке) итоговым результатом «научной» деятельности Маркса. Наоборот – проведённый Марксом экономический анализ, фактически, являлся подгонкой под уже выработанную с самого начала философски спекулятивную идею победы пролетариата как низшего и последнего класса гражданского общества.

Причём именно Энгельс – добавляет Мартыненко – поставил перед Марксом задачу представить её расширенное экономическое «подтверждение» для обоснования захвата политической власти пролетариатом (точнее – привлечения пролетариата для захвата власти) и заняться изучением политэкономии» [Там же].

Долго и трудно выполнял Маркс поставленную перед ним задачу. Только в 1859 году Маркс предоставил, как он говорил, первую часть своего фундаментального политэкономического труда, которая называлась «К критике политической экономии». Несмотря на то (а, может быть, и благодаря тому), что появлению этой работы предшествовала мощная рекламная компания – рекламировался выход книги, которая произведёт переворот в политэкономии – работа Маркса впечатления не произвела. «Ещё ни одна книга так сильно не разочаровывала» – вспоминал позже Вильгельм Либкнехт.

Действительно, собственно экономическое содержание «К критике политической экономии» весьма малосодержательно, так что ни о каком «перевороте в политэкономии» в рамках этой работы говорить не приходится.

Правда, Маркс обещал уже к концу 1859 года представить и вторую часть, которая, собственно, и должна была произвести тот самый переворот. Но своё обещание Маркс (что в общем то было для него вполне характерно) не сдержал. Прошло ещё долгих восемь лет, прежде чем Маркс выполнил обещанное. Только в 1967 году был опубликован первый том «Капитала» (конечно, не в Англии, где жил и работал Маркс, а в Германии, которая для Англии играла в то время роль геополитического противника).

Но и выход «Капитала», несмотря на мощную рекламную поддержку, которую организовывал Энгельс, прошёл практически незамеченным. Тяжеловесный политэкономический труд, который к тому же содержит фундаментальные научные некорректности, вряд ли мог сам по себе кого-то заинтересовать. Для простых людей (не говоря уж о пролетариате) он был слишком заумен, для научного сообщества он был малоубедителен.

Однако «Капитал» никак нельзя рассматривать «сам по себе». «Капитал» был встроен в тот «пазл» рабочего революционного движения, который бережно и тщательно складывали «англосаксы». В рамках этого «пазла» «Капитал» занял краеугольное место, служа, как стало принято считать, мощным научным обоснованием правомерности и даже исторической необходимости совершения пролетарской революции, обеспечивающей смерть капитализма и возвещающей наступление новой – коммунистической – эры.

Именно благодаря «Капиталу» было произведено фундирование марксизма как научной теории и осуществлена научная легитимация марксистской идеологии.

Пазл сложился – марксизм получил своё окончательное оформление, соответствующее психоконцептуальное оружие поступило на вооружение. Проект Марксизм смог начать свою бурную деятельность.

Заключение

Нельзя не признать, что раскрутка проекта Марксизм принесла впечатляющие плоды. Марксизм стал научной и идеологической платформой для большого числа социал-демократических и рабочих партий по всей Европе, марксизм под видом научно обоснованной идеологии был успешно индоктринирован в массовое общественное сознание (при этом стало принятым подвергать диффамации всех тех, кто мог позволить себе усомниться в научной истинности и верности марксистской теории). Марксизм, будучи, несмотря на свои откровенные слабости, весьма устойчивым – индифферентным – к любого типа критике, уже оказал и продолжает оказывать мощное психоконцептуальное влияние на огромное число людей во всем мире. И трудно даже сказать, когда этому – совершенно неоправданному с научной точки зрения – влиянию будет положен конец.

Алексеева И.В. 1989. Миссия Мильнера. – *Вопросы истории*. – № 10. – С. 143–148.

Бём-Баверк О. 2002. *Критика теории Маркса*. – Челябинск: Социум. – 283 с.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. 2015. Новая военная стратегия США и поведенческие войны. – *Информационные войны*. – № 3. – С. 27–34.;

Ларуш Л. 1984. *Вы на самом деле хотели бы все знать об экономике?* – Доступно: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=9437>. – Проверено: 25.01.2023.

Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. Введение. – Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. в 50 т. – Т. 2.* – М.: Государственное издание политической литературы.

Мартыненко В.В. 2005. Марксизм на службе империализма. – *Наука. Культура. Общество*. – № 3. – С. 102–125. – Доступно: <http://www.martynenko.info/index.html?currart=caldega>. – Проверено: 25.01.2023.

Перетолчин Д.Ю. 2015. *Мировые элиты и Британский рейх во второй мировой войне*. – М.: Книжный мир. – 459 с.

Перетолчин Д.Ю. б/г. *Неизвестный Уэллс*. – Доступно: https://zavtra.ru/blogs/neizvestnij_uells. – Проверено: 25.01.2023.

Плеханов Г.В. 1991. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен. – *Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка*. – М.

Саттон Э. 1995. *Как Орден организует войны и революции*. – М.: Паллада. – 128 с.;

Саттон Э. 1998. *Уолл-стрит и большевицкая революция*. – М.: Русская Идея. – 400 с.;

Саттон Э. 2004. *Власть доллара*. – М.: ФЭРИ-В. – 236 с.

Уэллс Г. 1928 (2021). *Открытый Заговор*. – М.: «Кислород». – 126 с.

Фурсов А.И. 2014. *Психоисторическая война*. – Доступно: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/>. – Проверено: 25.01.2023.

Фурсов А.И. 2017. *Мировая борьба. Англосаксы против планеты*. – М.: Книжный мир. – 517 с.

Черников М.В., Филатов Д.А, Букреев В.А. 2020. Принципы ведения поведенческих войн: современный научный подход. – *Информационные войны*. – № 3 (55). – С. 32–41.